

Iрина Іванченко
ріка Снов

Ирина Иванченко

река СНОВ

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Художник
Оксана Здор

Київ
«Український письменник»
2016

ББК 84.4УКР6=РОС

И-16

* * *

«Ріка Снов» — шоста книга відомого українського поета Ірини Іванченко, що увібрала вірші російською та українською, написані у 2014–2016 рр. Беззаперечний співавтор книжки — художниця Оксана Здор. Для художниці та віршниці це вже трете спільне видання. Поетичні рефлексії та ілюстрації, створені спеціально для «Ріки Снов», перейняті річковим повітрям, передчуттям грози й водночас надію. Вони взаємодоповнюють, підсвічують одне одного, переплітаються в єдину тканину поезографіки.

Идея обложки —
Дарья Лысенко, Оксана Здор

© Іванченко І. А., 2016
© Здор О. Г., ілюстрації, 2016
© Славинський М. Б.,
післямова, 2016

ISBN 978-966-579-503-2

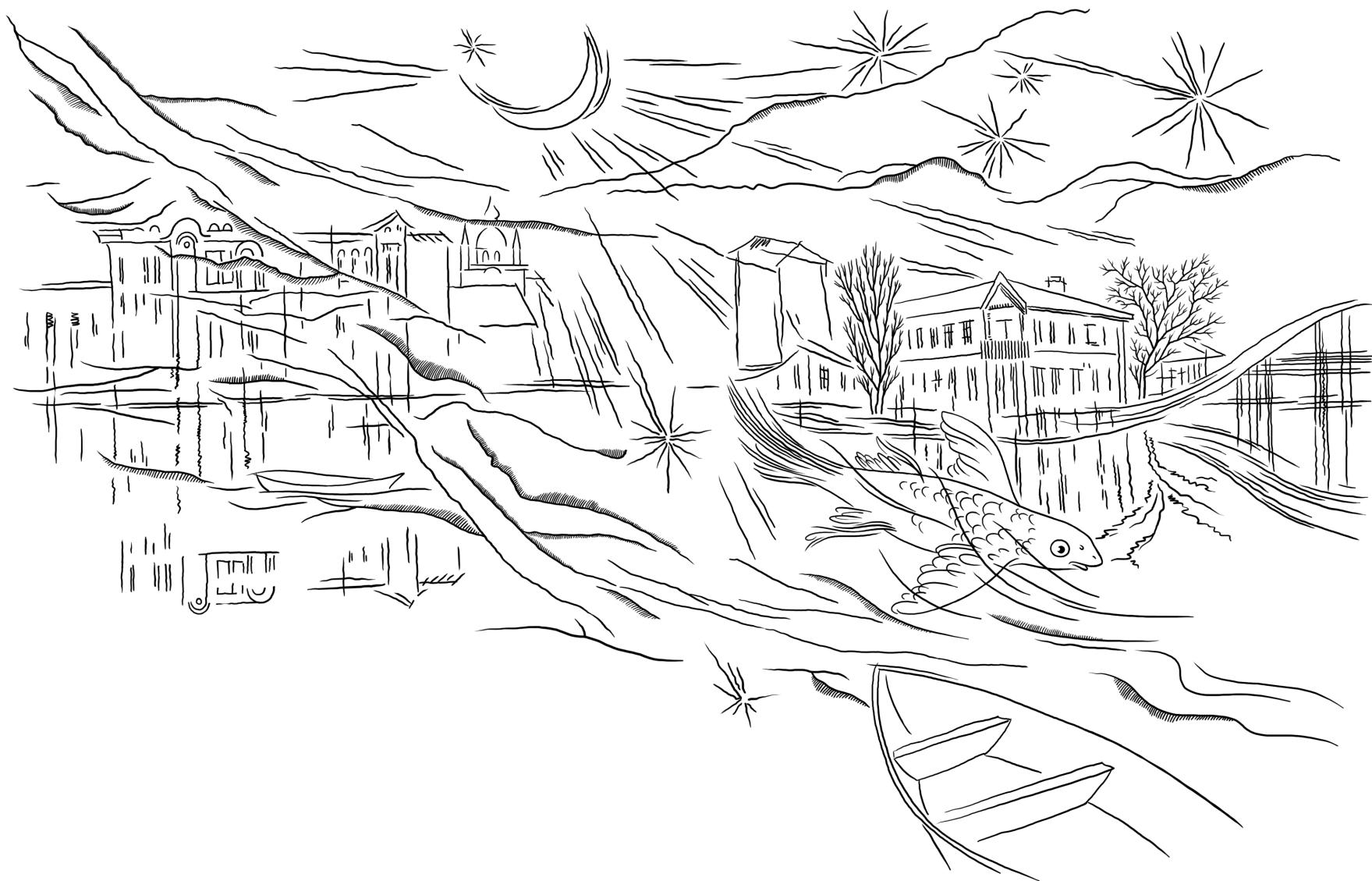
Плывет Десне навстречу тихий Снов,
и будит ото сна воскресный Седнев
не племя петушиное, а звон
колоколов над речкою осенней.

Еще трава густа и зелена,
всего на прядь береза пожелтела,
но ветер поднимается со дна,
пугая соек свистом оголтелым.

И осень притаилась в камышах —
ей нужно к людям, время подоспело.
У осени русалочья душа,
но теплый взгляд и бронзовое тело.

иордан

АМАДЕЙ

Даниилу Корецкому

И только музыка одна
еще имеет власть над нами.

Виктор Глущенко. Музыка

В метро играет Амадей.
Пусть протекает стратосфера,
а наверху полно людей,
одетых пасмурно и серо, —
в метро играет Амадей.

Он снова втиснулся в проход
меж суетой и преисподней.
Горит подземный небосвод
нарядней елки новогодней.

Как будто радости сполна
отмеряно большим и детям.
И только музыка одна
о нас печалится на свете.

Сигналит поезд заводной.
Судьба ломается на части.
И только музыке одной
есть дело до твоих несчастий.

Жетоны автомат жуёт,
как будто в нем живет пиранья.
Играет Моцарт мирозданью,
взамен не требуя щедрот,
а только толику вниманья.

Бегут косынки и пальто,
бегут домой зонты и боты.
И только музыку никто
не ждет, уставшую, с работы.

Играет Амадей в метро.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Милостью отзывчивой судьбы...
Эльдар Рязанов

Одним — лечить, другим — душой болеть
о тех, кто неустроен, слаб и светел.
А мой удел — досматривать, жалеть,
ходить за снегом в час его последний.

Не внове в одиночку умирать,
а снег сдружился только с голубями.
Со всех сторон нахальная трава
теснит, и в кадре, оседлав слова,
младое время шевелит губами.

И в дублях возвращений и потерь
кому сказать и кто расслышит, Боже,
что пытка равномерная — капель
быстрей проказы разъедает кожу.

Весь мир теперь — прокрустова кровать.
Как премия за прежнее величье —
забиться в щели, землю целовать
за черным садом, корпусом больничным.

Снег бредит, что вернется в облака,
а в землю ляжет просто по ошибке.
Моя работа — рядом быть, пока
улыбка тает в сумерках чеширских.

Исход зимы, как март, неотвратим —
снег из последних сил идет, болезный,
а я стою помехой на пути,
и в перечне занятий не найти
моей работы, с виду бесполезной.

Корят родные — трудности грядут,
а ты за снегом бегаешь весною,
и трудодень — всего-то раз в году,
и лето — в неоплаченном простое.

И нечем крыть — в кармане ни шиша —
последний снег богат на обещанья.
Но год за годом кормится душа,
тем светом, что рассыпан на прощанье.

* * *

Александру Кабанову

Время стыдное, ей-богу.
Выстрел грянул и затих.
Смерть ворует понемногу
у чужих и у своих.

Есть ли в небе кто живой?
Я сниму ничейный угол.
Междур морем и землей
пришвартован Мариуполь.

Чайки спят крыло к крылу
на продавленном причале.
Я сегодня не умру, —
говорю себе ночами.

Чайкам, спящим у воды,
снятся родовые гнезда.
Наши галочки следы
заметает хвост обозный.

То ли тесно меж людьми,
то ли мы родимся позже,
то ли маятник любви
покачнется в нашу пользу...

Смерть краснеет на юру,
жизнью поймана с поличным.
Говорю себе привычно —
я сегодня не умру.

ТМУТАРАКАНЬ

Из Киева дорискаше до кур
Тмутараканя...

Слово о полку Игореве

Плыви, мой челн, на остров Турухан,
к зыбучим землям, непокорным водам.
Где тиши да гладь — нет корма для стиха.
Волнение — залог его прихода.

Где истекает кровью истукан,
там свет и тьма ударят по рукам,
затворник сложит вымысел болезный,
а я пойду искать Тмутаракань
по роковым стечениям созвездий.

Ничто не обещает нам войны
со светлой или темной стороны —
ни Гамаюн, ни вещая комета.
Попутна ночь, и оттиском луны
небесный свод заверен до рассвета...

Уткнется челн в змеиный бережок.
Коса речная да найдет на камень,
и басурманский охранит божок
курлычущий торжок Тмутаракани!

Он внятен — гул утерянных веков.
Поет домбра в скоплении народа
про славные победы степняков,
славян ошеломленные походы.

Одна на всех и каждому — своя
торгует правда истощенным телом.
Плыви, мой челн, в межзвездные моря,
в подземные и горные уделы.

Откуда есть пошла Тмутаракань?
Из уст моих, от смешанных наречий.
Кыпчакским словом полнится гортань.
Поет о мире голос человечий.

Какого бога ныне умолю
о милости, чужому небу внимая,
за то, что одинаково люблю
и чувствую и ту, и эту землю?

От соколиных, сиверских времен
птенцы соседних улиц и племен —
мы остаемся близкими врагами.
Гудит шоссе. Плывет по небу челн.
Слова о полку ранили пергament.

РЕЧКА СОВКА

1

Слабеет натяжение воды,
и где невесть сегодня нерест рыбы.
Чьи речи, чьи печатные труды
подхватят обессилевшую Лыбедь...

Слабеет напряженье, жидкий ток —
искрит местами, падает с годами.
Но мы — родня. Любой из нас — приток
другой реки. И кто-то в нас впадает.

Так речка Совка — тихий, без стремнин,
лесной родник, воркующий по-детски, —
зимой и летом с правой стороны
питает Лыбедь родственной поддержкой.

Бетонный терем, царский карантин.
Едва жива река — и то везенье.
Земли — в обрез. И тех, кто на пути,
зло и нещадно втаптывают в землю.

Но речка Совка, сводная сестра,
чужое семя в княжеском семействе,
найдет в ярах, проводит до Днепра.
Таись, родная, с ночи до утра
от ярости людской и тяжб земельных.

2

Лютует век. Невмоготу дышать,
но вспоминаю, подавляя ропот, —
не замерзает Совка. И душа
у малых рек перенимает опыт.

Дай Бог, с доверьем дружеским теперь
не спутать рядовую легковерность.
Душа течет в коллекторе потерь
и лишь в стихах выходит на поверхность.

И пробивает под землей ходы,
и над землей возносится свободней.
Душа наполовину из воды,
наполовину — из любви Господней.

Мы все — притоки. С ночи до утра
перетекаем, увлажняя недра,
за пазухой у вещего Днепра,
за день пути впадающего в небо.

* * *

Похоже, прадеды-поляне
проснулись. Ближе к январю
с рябинами и тополями
я, как с родными, говорю.

Что делать, если больше не с кем?
Зима протоптана на треть,
а гололед — как довод веский
молчать и под ноги смотреть.

С рябинами и тополями —
про все, что за день обожгло.
И я, как прадеды-поляне,
ценю родимое тепло.

Когда из чаши Водолея
течет молочная река,
где тот, которого согрею
заботой мягче молока?

Где тот, кому без искаженья
перескажу, когда пойму
сближенье слов, стихослуженье,
все, что предшествует ему?

СЛОВАРЬ

1

Созвучны мне наречия твои:
то нараспев живу я, то на ощупь.
С недавних пор из азбуки любви
я выбираю буковки попроще.

Я выбираю в азбуке азы:
ни бури вслух, ни чувственной грозы,
ни ссоры с исступленным примиреньем.

Но шум дождя живет в стихотвореньи,
как лето — в нитке сочной бирюзы.

И я созвучна музыке любой,
где щедро, без утайки проявляет
характер свой несдержаный любовь.
И пусть местами в лад не попадает —
не подменяет музыку собой.

А если нам вернуться в словари
любимых мест? Нет, в золотую прозу,
где Город расставляет фонари,
как часовых у царского обоза.

Все улицы еще впадают в Днепр,
а Левый берег столь необитаем,
сколь лешими заполнен, и на дне
оврага ходит рыба золотая.

Мы были бы свободны и близки,
не так, как берега реки великой,
а словно струи маленькой реки,
звенящей вдоль поляны с земляникой.

Хотя одной земле принадлежим,
как Левый берег, ты недостижим.

Не подменяя музыку собой,
звучу в одном адажио с природой.
Как этот полдень серо-голубой
следит за танцем неба с непогодой.

Не подменяя музыку собой,
я стала звуком гласным, отголоском
весны твоей, мой город голубой,
твоей зимы рифмованной полоской.

Из словарей изъято слово «мы»,
отзимовал мой дом, сожжен, подорван,
а я — о хлебной милости зимы,
о санках, пролетающих Подолом.

Звучу о том, что грянут январи,
в которых мы вернемся в словари.

ИОРДАН

На мутное время негоже и стыдно пенять —
ходи по воде, и пускай причисляют к блаженным.
Он в воду глядел, сочиняя тебя и меня,
дословно копируя в глине свое отраженье.

От глаз обольстителя, духу сулящих покой,
а имени — славу, укрой, обесточивай зренье.
Он реки наполнил и нас приучил испокон
прилаживать к ним беззащитные наши сelenья.

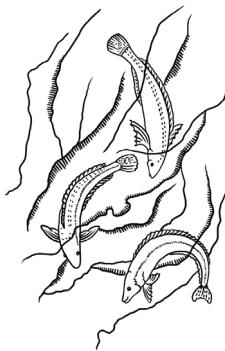
Нам некогда строить, сподручней иные труды:
устои ломать да одну перемалывать сушу...
А помнишь, Он в реку добавил священой воды
и рыбу вложил, будто в тело Адамово — душу?

И глина — сырец, и Подол — проседающий дом,
а время подходит — из камня сложить оригами.
Река пробегает под замыслом, словом, мостом,
так остроконечно впадающим в новую гавань.

Ты помнишь, в соборной Вселенной, у талой воды,
познали друг друга и вышли из Божьей опеки.
И только река ограждает теперь от беды,
и кто оградит от людей уцелевшие реки?

И все-таки верится — общее в нас вещество
заложено — пусть безо всякого внешнего сходства.
Нам в семье сходиться и кровное помнить родство
привычней, чем биться за первенство
и первородство.

Ходи по воде, и да будет тебе Иордан
в подмогу, уловом — Десна и укором — Почайна.
Как дети в семью, по весне прибывает вода,
плодится пескарик и щука в реке не мельчает.

* * *

В прицеле камеры-обскуры —
сюжет холма, рюкзак сутулый,
мазки дорожные в альбом,
но сколько ни пиши с натуры, —
нет совершеннее скульптуры,
чем вишня за моим окном.

Из-под морщин по черной корке
мироточит смолою горькой
и плачет от потери сил.
И в замысле воздетых веток
есть тот порыв от смерти к свету,
что только Пинзель уловил.

Ее неправильная точность
невычислима и подстрочна,
нерасчехлима языком.
Но перехватывает разум
не это — в самой гуще фразы
есть кто-то, с кем давно знаком.

Так узнаваемы изгибы,
как будто, к цельности спеша,
не расслоилась, не погибла,
а стала деревом душа.

И в угловатых сопряженьях
отростков и ветвей сухих
свое увижу отраженье,
но четче в кратком изложеньи,
как в избранном — заглавный стих.

Судьба вершится с опозданьем.
В округе — знатные сады,
а нам оброк — иносказанье:
цветем в отместку расписанью,
но позже всех даем плоды.

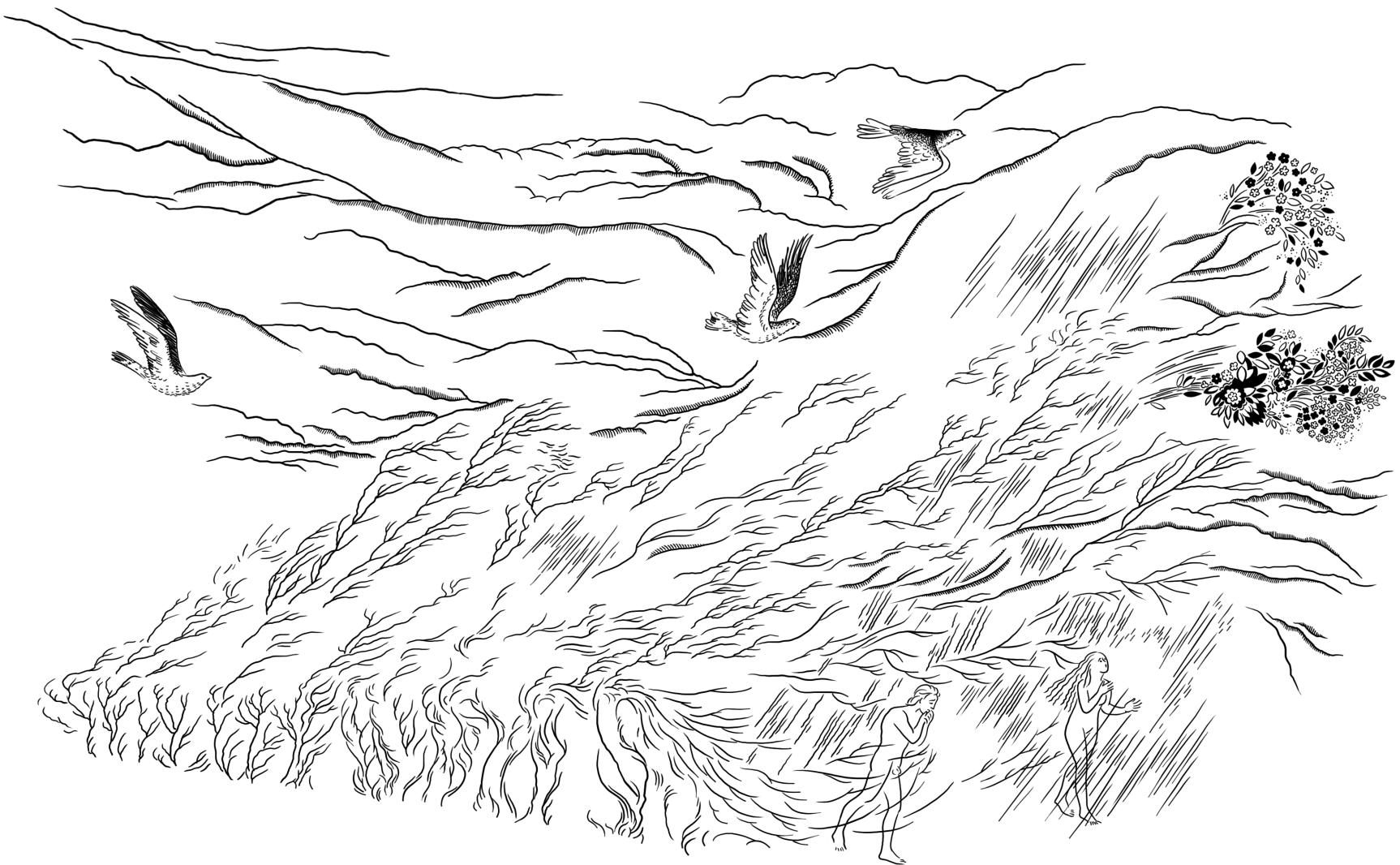
Раненья, трещины, разломы
к весне затянет добрым словом,
вишневой корочкой смола.
От чувства локтя к чуду дома
иди, где оттепель и дрема,
и радость своего угла.

Темнея, прячется округа.
Мы будем сторожить друг друга,
пока один из нас живой.
И вишня простирает ветку,
как маскировочную сетку
над непокрытой головой,

над незашторенной аллеей,
открытым слогом, что алеет
над незапекшейся губой,
над тем, что светит, не довлея,
как встреча поздняя с собой.

тарань

ПЕРЕПОСТ

И пройдет перепостом
в пестрой хронике дня:
так мучительно просто
он не любит меня.

На просторах постельных,
у чужих одеял
так легко и смертельно
он меня забывал.

А в совместном сегодня
на вопрос «Почему?»
говорит — чужеродна,
чужестранна ему.

Там не рвется, где тонко
сшит наперник небес.
Не «нормальная женка» —
жар откуда невесть.

Не смешно и не ново —
только тем и плоха,
что за каждое слово
я плачу по стихам.

«Сколько вас, несусветных,
развелось», — говорит.
Все проходят. И этот
как-нибудь отболит.

Он уходит из ленты,
опускаясь в архив,
как чумные комменты
на чудные стихи.

СТОЛ

Галине Погожевой

Межу ситом и корытом
отступает на потом
стол, в кулачной давке быта
прищемленный потолком.

Стол, застеленный счетами,
подоплекой и трухой.
Стол, который не читают
меж тарелок и стихов.

Свет чужих четверостиший,
приглашение к письму...
Стол, в который не напишут,
не ответит никому.

Что я знаю в настоящем,
вспомню что, когда умру?
Свод кирпичный, свет слепящий,
стол, стоящий на ветру.

Жизнь уйдет, и дверь не скрипнет.
Стол придвигнется бочком
с тем же изумленным всхлипом
под взмолванным смычком.

* * *

Так — будто он со мною не был
одним, что ввек не распаять,
когда меж Киевом и небом
года сворачивали вспять.

Так — чтобы ни камешка на камне
от наших душ, от наших тел.
Не так ли, зачищая память,
сгоняют пленных на расстрел?

Так уходил. И шли ненастья,
к чему-то ясному спеша.
Но оттого, что выстрел наспех,
не насмерть ранена душа.

ДУША

Валерии Бабичевой

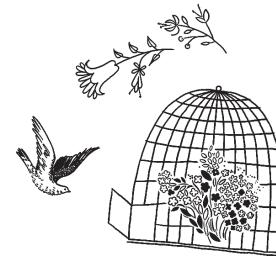
Кормушка, кров, грудная клетка,
что ваза с розою ветров.
Душа ночует в теле редко,
а спит, нахохлившись, на ветке
левобережного метро.

Нет, чтоб как все — с цветами, в гости...
Продышит оттепель в груди
и встанет, как упрямый ослик,
словам проход загородив.

Все ей неймется, тесно, душно,
а в стужу ноют плавники.
Она гуляет, где не нужно,
и залетает за буйки.

То вспашет небо за спасибо,
то покачнет земную твердь.
Сегодня — птица, завтра — рыба
и прочий непонятный зверь.

В ночи пугает домочадцев,
когда, сметая склянку сна,
приходит в тело — отчитаться
за все, что сделала она.

* * *

Азбука оскудела.
Рифма твоя бесплодна.
Сеешь, но то и дело —
год на слова голодный.
Ты перебрала лиха,
сжалась в единый возглас.
Вот он подходит тихо,
твой урожайный возраст.
Вот и зима по росту,
горя не будет с нами.
Годы молчанья — просто
паузы меж стихами.

2010

ПРАЧКА

1

В мой дом стиральная машина
вошла и встала у стены.
О, как мне дороги, мужчина,
реализованные сны!

Я стала женщиной твоей,
когда взвалила ей на плечи
тоску о чистоте вещей
(себе — о чистой русской речи).

Я стала женщиной опять.
Во мне легко скончалась прачка.
Но тянет Город постирать.
Гляди — весной Подол испачкан.

2003

Даниилу Чкония

И тяжкий труд, и непевучий:
едва утих воздушный бой,
она отстирывает тучи
от копоти пороховой,

от гари, ярости, горячки.
В ночную смену — до утра.
Она — потомственная прачка —
и мать стирала, и сестра.

Чтоб в росах отразились кручи,
мир должен быть отчищен весь.
Она выкручивает тучи —
и всюду капает с небес.

А смена тянется — недели,
и рассыхается ушат.
От частой стирки огрубели,
стареют руки и душа.

Она стирает. Эта участь —
за счастье — знать наверняка:
в ночи отбеленные тучи —
к рассвету снова облака.

2015

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Михаэлю Шербу

Как стыдно умирать в конце
апреля, в мае...

Михаэль Шерб

Так трудно, умирая от любви
в апреле, в мае, в месяце нисане,
не возжелать, не ранить, не убить,
соприкоснувшись всеми полюсами.

Такие войны нынче на дворе,
что пушкитише сетевого лая.
Так часто умирать, чтоб, умерев,
истосковаться и бежать из рая.

Там мало наших. Меж стрельцов и дев
ютится бестиарий зодиака.
Так стыдно умирать, а умерев,
не встать над пеплом, не восстать из мрака.

ДЫМ

Что сгорело дотла — обернется потом
уцелевшим теплом в топке солнцеворота.
Где-то мечется дым над открытым костром,
прикрывая собою огонь желторотый.

То ли с возрастом ищет опоры душа,
то ли дождь приманили тоской приворотной,
только дым от огня — ни на миг, ни на шаг,
будто рано его оставлять без присмотра.

Догорело — но это еще не конец,
дождь приходит — и дышит ровнее суглинок.
Только мечется дым, как безумный отец,
за минуту до «Скорой» теряющий сына.

Ни случайных людей, ни попутных богов —
только зыбкое, мерное мировращенье.
Дым уходит туда, где родится огонь,
переждать холода до его возвращенья.

* * *

Истлел папирус, выжогена трава,
страну в иные пеленают флаги,
но уцелеют парные слова,
всей памятью приросшие к бумаге.

Запечатлеть отхлынувшую грусть,
что снять посмертный слепок с поцелуя.
Стихи передаются наизусть,
построчно поминаемые все.

Так выучи, запомни, улови
сигнальный проблеск времени и места:
стихи — для повторения любви,
для закрепления пройденного текста.

РОМАНС

Так важко мені з Вами — день у день
похмурим, наче вітер невітрильний.
Ні радощів моїх, ані пісень,
ані порад Вам зовсім не потрібно.

Ви їдете — немов чиясь рука
нам ворожила відстані і втечі.
А все ж чекання Вашого дзвінка —
як виглядання зірки у Святвечір.

Та марно ждати дива із небес —
таке життя, такий неспільній устрій...
Я так боюся викрити себе
чи поглядом, чи порухом назустріч.

Сховати сум на сьомих небесах
та зимувати порізно, як завше...
Я там не йду, де найкоротший шлях
напевно перетнувся би із Вашим.

Хай буде так — подалі від журби
і осторонь від Вашої дороги...
Як mrію я, щоб здогадались Ви
про всі мої страхи й перестороги.

ТАРАНЬ

А как же иначе — кувшинки, мальки, мотыльки.
Мир густо заселен и зелен — а как же иначе...
Играет худая тарань с рыбаком в поддавки.
Прозрачна вода, как весенние очи незрячих.

И жизнь, что выходит из впадин, зазоров, пазов,
близка и желанна, как скорая наша победа.
Чего же еще, если рыба идет на Азов,
заштопаны сети? О чем еще стоит поведать?

Слова что плотва — им бы в стайки сбиваться,
мерцать,
из донного царства приглядывать за рыбаками,
что ходят на берег — бессмертье ловить на живца,
на тонкие книги, на вечную позднюю память.

РОДИНА

ЧУЖИНКА

Як сніг одійшов і черешневий цвіт одів'яв,
чужинка прийшла із давно позабутим ім'ям.
Худа і бліда, і чорнява, а скільки їй літ?
Блукає світами, відтоді як створено світ.

Як гостя незвана зайшла до оселі вона,
та жінка незнана, що зветься в народі — війна.
Залишилась на ніч, а вранці знялась — і на Схід,
і друг мій сердечний підвівся за нею услід.

Високий і статний, волосся його наче шовк.
Не кликала — він без наказу за нею пішов.
Як сотні і сотні ішли у годину лиху,
аби зупинити її на одвічнім шляху.

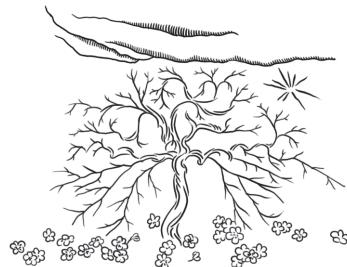
Стотисячний стогін над містом застиглим луна.
Як іній до скла, так і я приросла до вікна...

— О, як ти, мій друже, не вгледів у тому вікні,
як сумно, як темно, як холодно було мені?
Була синьоока — тепер сивоока повік,
і коси мої золотаві біліші за сніг.

— Не плач, моя люба, радій серед квітів і трав.
Я жінку вночі наздогнав, я її обійняв,
притиснув до серця, на землю упали удвох.
І бачили це тільки зорі грудневі і Бог.

Я маю чужинку, що вкраляється до мирних осель,
відвести подалі від наших стражденних земель.
До самих небес без спочинку нам з нею іти,
бо там, де вона зупиняється, ставлять хрести.

Радій, моя люба, черешневий стелиться дим.
У серці твоєму живому зостанусь живим.
Не я обираю той шлях, що судилося пройти.
Щоб неба дістатись, у землю потрібно лягти.

РОЗМОВИ

Лесі Литвиновій

1

За мить у вирій вириша
лелечий полк, братова сотня.
Мов оглашеннна та душа —
не розуміє, що самотня.

То озирнеться навкруги,
то пір'ячко гойда в долоні.
Життя забрали за борги
усіх байдужих і сторонніх.

І тим, кого взяла доба,
затісно в човнику Харона.
Та бачиш, братику, юрба
сама шикується в загони.

Лише зміцніли у журбі.
Твоя кохана задля миру
несе із Польщі на собі
важку броньовану офіру.

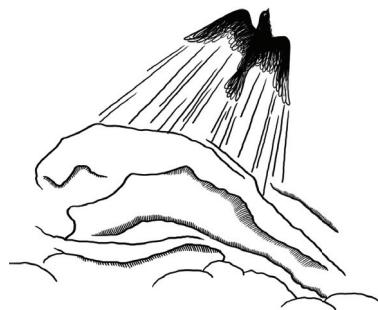
2

Хоч сум залишився — безмежний,
та сумнів щез — як не бувало.

— То що ж так, сестронько, бентежить?

— Я жінка — я роблю замало.
Шукаю кошти — лікувати
того, хто не шукав рятунку,
шукаю біженцям притулку.
Мене не візьмуть воювати.

А брат озветься: «Пам'ятати —
теж зброя. Вищого гатунку».

МАЛЕНЬКИЕ ХРАМЫ

Тянется губами, пробуя простор,
как младенец к маме — к облаку собор.

Камеры, экраны поверните вспять:
маленькие храмы учатся летать,
не сбиваясь в стайки, за один заход
уловив, как чайки, бреющий полет.

Чудом огорожен, крестится народ:
вдруг собор подросший ветром унесет?

С нашим ли везеньем верить чудесам?
Снег летит на землю, храмы — к небесам.

Дымом пахнут ветер и февральский день.
Пуль на белом свете больше, чем людей.

Волевым усилием ни один из нас
так не вскинет крылья, как иконостас:
ввысь — из загражденья, из яремных ям, —
как сопровожденье чьим-то сыновьям.

ГОЛОСИ

1

...і де він, де подівся, клятий,
від хати — ключ?..
Я маю речі позбирати
нашвидкуруч.

Залишу все, що мала вранці,
що мало бути, що мине.
Як гімн усіх евакуацій:
«Мій Боже, не полиш мене...»

...не втікачі, не перебіжчики —
хіба втекти від тих боїв
нам, тимчасово переміщеним
у часі й просторі своїм.

В таку місцевість переміщені,
де ані кревних, ні чужих,
але назавше перемішані
у купі мертвих і живих.

Чи є вона — безпечна відстань
від небуття до укриття?
Не втікачі, це тільки відступ
від правил мирного життя.

...пішов, у чому був.
Похідний
рюкзак — і той не взяв. У бій
пішов. Що конче необхідне —
мій первісток несе в собі.
Іде на зойки світанкові,
і кличуть маки із трави,
як діти змішаної крові,
ще не причетні до крові.

...і знов ця Хресна путь. Невже
і нам — всі чотирнадцять станцій...
Гіркі миттєвості останні
рослинна пам'ять береже.

Хоча віддячатъ за добро
сади врожаєм життєдайним,
як спис уходив під ребро,
шипи шипшини нагадають.

І згадки ті впадають в око,
коли кровить у полі мак.
Немов попереджа — вояк
ізнов занурив губку в оцет.

Так про часи поневірянь
переповість розквітлий терен.
Так, наче парох до вірян,
говорять паростки до зерен.

ГАМАЮН

О, знать бы, храня и врачуя,
разведать, о чем вдалеке
бесстрастная птица вещует
на страшном своем языке.

О, знать бы заранее или
расслышать, покуда поет,
гадая по пятнам чернильным,
как сузится время твое:

от слов довоенной огранки,
от ветки, откуда поет,
до редких звонков из Луганска
и окрика: «Стой, кто идет».

И тело к земле приникает —
прикрыть ее в ближнем бою,
где птица на миг умолкает
и слушает песню свою.

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ЛЮДЕЙ

Так сними доспехи в пахотный день.
Сколько мне одной о земле радеть?
Живота не щади, любя,
в День защиты людей от других людей
и самих себя.

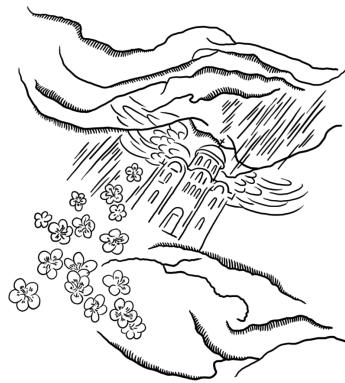
Хлеб в степи подмок, да урок не впрок.
Богу — Богово, праху — прахово.
И горит Восток, и потерян полк
между Крутами и Волновахою.

Кто же нас защитит? — говоришь. — Родня
полегла в чужих облаках.
Ты сними кевлар, — говорю, — броня
без того у любви крепка.

Не дуди в рожок и не лезь на рожон,
не гляди на державы соседние.
Безоружен, ибо вооружен
до зубов милосердием.

Опусти оружие, — говорю, —
и отпустит тебя война.
Без тебя не управимся — на корню
урожайные времена.

А иначе нам не испить дождей,
поминальный мед пригубя
за любовь людей, за других людей,
за самих себя.

ДЕНЬ: НАРОДЖЕННЯ

1

Сутемна ніч, як вересню годиться.
Опівночі щось дивне уві сні:
прийдешній день — він ще не народився
і ніжками штовхається в мені.

Не видко ні землі, ні виднокраю,
та чутно — зупиняється Земля,
коли її за ниточку тримає,
як жовто-синю кульку, немовля.

2

Він замалий. Йому — о пів на третю.
Він геть усе дізнався про пітьму.
У колі снів, у полі зору смерті
затісно і незатишно йому.

Неподалік відгомони вокзальні,
та знов «швидкий» зі Сходу не озвавсь...
І сподівання, що наснились за ніч,
будильники повторюють для нас.

Розвиднилось. Дай, Боже, трохи сили
перепливти уранішню юрму.
Осінній день, мій жовтий день, мій синій —
і сонце за похресницю йому.

* * *

Так часто дні жалоби й поховання,
що води Стіксу вийшли з берегів.
А я люблю — мов дихаю востаннє.
Як позика у долі це кохання,
і я не хочу повертати боргів.

Та їй доля поки що своє не править.
Їй не до нас: то ціле місто спалить,
то закликає зливи до пожеж.
Навідує щодня лихварка-пам'ять,
неначе їй ми завинили теж.

АПОКАЛИПСИС ОТ ИВАНА

I

Не голос был, но текст печатный
в печальный день:
«И я — ваш брат и соучастник
прискорбных дел...»

Не в горнем слове сказ бесценный —
в горенье шин:
«И ангелу Успенской церкви
так напиши...

Пиши, Иван, порой полночной
и на заре,
пиши о том, что будет точно,
пока не расстреляли почту
и лазарет.

Покуда град и мор безбожный,
пиши, солдат,
как проливается бомбежка
на детский сад,
как стынет город измощденный.
В прямой эфир
пиши живым и нерожденным:
да будет мир...»

II

И С Х О Д

Из тех салаг, из новобранцев,
кто призван в яблочной поре,
шел август по своей земле,
и лихорадочным румянцем
он проступал на кожуре.

Он увязал в земной коре.
Он оступался в новых берцах.
А яблоко в районе сердца
росло, как солнце на заре.

Как будто приоткрылись дверцы
на этом свете и на том,
где яблоки в районе сердца
и люди в области АТО...

И от нештопаных кордонов
бежал истрепанный народ:
кто по «зеленым коридорам»,
кто через Белгород в обход.

Кто крепче — штурмовал вагоны,
а кто остался, стар и мал,
продукты, метрики, иконы
сносили загодя в подвал.

Не прерывался оглашенный,
пальбой подстегнутый исход.
А кто остался в той Вселеной —
святили яблоки и мед.

III

А В Г У С Т

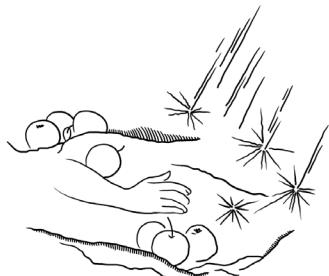
Был август, будто брат, неласков, —
такие, Господи, дела —
кровавой юшки в Иловайске
хлебнул из общего котла.

А за мгновенье до отстрела,
когда б ты видел, Боже мой,
душа цепляется за тело,
а тело просится домой.

С боями до Преображенья
шел август. Картам вопреки
он выходил из окруженья,
как Моисей, через Пески.

Он пробивался земляникой
над укрепленьем земляным.
Светились яблоки и лики —
как будто не было войны.

Луга в удавке повилики,
Луганск, отрезанный огнем.
И только яблоки и лики
горят неопалимо в нем.

IV
П Л Е Н

Ближний бой ненадолго утих.
Я сумею подняться, а дальше
перейду из разряда живых
в ряд живых, но безвестно пропавших.

Это мы. У детей на виду,
через город, исхоженный в детстве,
на закланье, по трое в ряду
нас ведут без суда и без следствий.

Это сон, это марево, явь,
где погонщик кричит озверело.
В небесах отражаюсь не я —
а мое уцелевшее тело.

Это я. Это явь. Это плен.
Нет, ошейник, затянутый туго.
Но встаю с перебитых колен,
опираясь на мертвого друга.

Он и здесь остается со мной.
Ход подземный до неба проторен.
Пахнет жареным. Передвижной
испытали вчера крематорий.

Мы живыми уходим с Земли.
Ярославна захочется в крике.
Ей вчера за останки мои
предложили умеренный выкуп.

Мы уходим туда, где рассвет
так же светел, как очи Пречистой.
И, ликуя, трехглавый рунет
нам кидает вдогонку: «Фашисты».

П О Л О Н

Це ще ми.
На очах в немовлят
середмістям, знайомим з дитинства,
наче стадо жертвових телят,
полонених женуть піхотинців.

Це мара, це наснилось, це яв,
де погонець штовхає у спину.
В небесах відбиваюсь не я —
а вціліла моя половина.

Це ще я. Це полон. Це полин,
запах звіра, невірства і туги.
Я підвожусь з пробитих колін
і спираюсь на вбитого друга.

Він не йде, він зі мною, за ним
сивий янгол в імлі світанковій.
Пахне смаленим. Пересувний
цілу ніч працював крематорій.

Дощ паде на безхлібні поля.
Чи то плаче над ними Пречиста?
Це про нас у сусідських краях
в телевізорі кажуть: «Фашисти».

V

НОВОРИЧНЕ

Нещасна та країна, яка
потребує героїв.

Бертольд Брехт

По всіх каналах з ранку до весни
самі ток-шоу про чергові втрати.
Не те, щоб ми втомились від війни —
браќує полководця і солдата.

Завзято іній, як у давнину,
різдвяний розпис тягне по вікну.
Іскрити ялинки бутафорський конус.
Не те, щоб ми забули про війну,
скоріш, її перемістили в космос —

десь там, на Марсі, де земля руда
від крові, наша, рідна, суверенна.
Вмирати у Святвечір — не біда.
Біда — вмирати змолоду даремно.

Нешчасні той етер і той терен,
які потребу мають у героях.
І знов зліта у космос волонтер,
як Дід Мороз з мішечками набоїв.

Чому найкращі по одному йдуть?
Чому земля на Марсі не вродила?
Не те, щоб ми забули про війну —
чека волхва, вичікуємо дива...

НОВОГОДНЄЕ

... а всех, не дотянувших до весны
не спишешь на дежурные потери.
Не то, чтоб мы устали от войны, —
скорее, свыклись или притерпелись.

И Новый год шагает по стране.
Вот-вот — Сочельник и звезда в окне,
и главной елки бутафорский конус.
Не то, чтоб мы забыли о войне, —
скорей, она переместилась в космос.

Там, атакуя, не кричат «ура».
Не стой спиной к зачищенным дворам —
небесного не убывает полку.
Под Рождество обидно умирать.
Еще обидней умирать без толку.

А Новый год — наладчик и монтер:
тепло и свет, и мирный уговор —
ключ ко всему в его ремонтной сумке.
Опять уходит в космос волонтер
с мешком лекарств и стопками рисунков.

Открыты, как фрамуги по весне,
пороховые жерла телестудий.
Не то, чтоб мы забыли о войне, —
мы ждем волхвов и молимся о чуде.

VI

Помилуй, боль, я правдой отслужу,
твои поля переберу руками,
расправлю стебель и разглажу камень,
и зернам о колосьях расскажу.

Спасибо, боль.
Спасибо за труды,
за продолженье и преображенье,
за то, что из оттаявшей воды
опять мое пробьется отраженье,

за передышку между схваток, за
покой и плодотворные потуги,
за то, что годы зарева и зла
мы прожили, не зная друг о друге.

VII
НЕЛЕТАЛЬНЫЙ ГОД

И осень не явилась в свой черед,
и замерло времен круговращенье,
и длится, длится нелетальный год,
и нет ему ни смены, ни смещенья.

Как Цезарь, август жалует народ
горячим хлебом, солнечной потехой.
Никто не умер в нелетальный год,
не улетел, не выбыл, не уехал.

Храни, Господь, от дыбы и беды,
даруй, как диво, технику паренъя
над перевалом будничной среды,
над праздничной высоткой воскресенья.

Сентябрь — турист известный: он в обход
пойдет и перепутает дорогу.
Никто не умер в нелетальный год.
Мы, слава Богу, живы понемногу.

Под осень неприветлив небосвод,
но изредка, обнявшись, по субботам
летаем мы.

И нелетальный год
приветствует учебные полеты.

VIII

...и видел я: вишневый сад
и косарей усталых,
и пушки, что века подряд
ржавеют у заставы.

Мальцы резвятся под дождем,
бежав из жарких комнат.
В саду закопано ружье,
а где — никто не помнит.

И ливень в трех шагах прошел
от жатвы благодарной.
Что человеку хорошо,
то Богу и подавно.

И жизни не было иной,
и сносят волопасы
в холодный погреб земляной
осенние припасы.

Мальчонка, встав из-за стола,
уснет под небом сущим,
про баснословные дела
прочтя на сон грядущий.

В талмудах давних толмачей:
тишайшими ночами
волы исполнены очей,
орлы полны печали,

и закопали у реки
броню и перебранки
земляне, то есть земляки,
соседи по землянке.

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

1

От рябиновых лампочек мал обогрев.
Ветер вести разносит:
мол, опять заунывным дождем обо мне
завершается осень.

Это ветер чудит подшофе у ворот
и на проводы кличет речисто.
И, как в прежние годы, из ближних дворов
прилетают надежные листья.

И слетаются листья на нашу беду,
и привычно столы накрывают в саду,
и проселок, до боли постылый.
И стоят холода, не таясь, на виду,
а к столу не подходят, вестимо.

Все стоят и стоят у ворот холода,
в кулаке зажимая повестки.
И твердит невпопад, леденея, вода,
что до первого неба рукою подать,
а седьмое — искать бесполезно.

Снег придет, как Христос — по воде, по грязи.
Что же не унимается ветер?
Будто страшно ему: под осенний призыв
подпадут старики или дети,

а родных на дорожку целуй не целуй —
в самоволку не пустит Всевышний.
Дождь идет, оставляя в глубоком тылу
наши клены и вишни.

2

В декабре что ни дом — полевой лазарет:
подорвалась ангина на минах миндалин.
Скоро в белом халате придет Назорей.
Он приходит всегда, даже если не ждали.

Ветер стих — вот и он позабыл обо мне.
Клены по небу пишут прощенье о чуде.
И приходит во сне ослепительный снег
и в соседней, родильной, палате ночует.

РОДИНА

Держава ли, единая страна...
Скорее, пядь земли на белом свете
есть Родина — то место, где у нас
с тобой еще, конечно, будут дети.

И в глиняном окопе, где отряд
зимует, позывных не раскрывая,
есть Родина — то место, где тебя
я днем и ночью жду, не уставая.

Пусть по трубе слезоточивый газ
дойдет быстрей, чем кровь до капилляров,
есть Родина — то место, где о нас
возносят просьбы Богу капелланы.

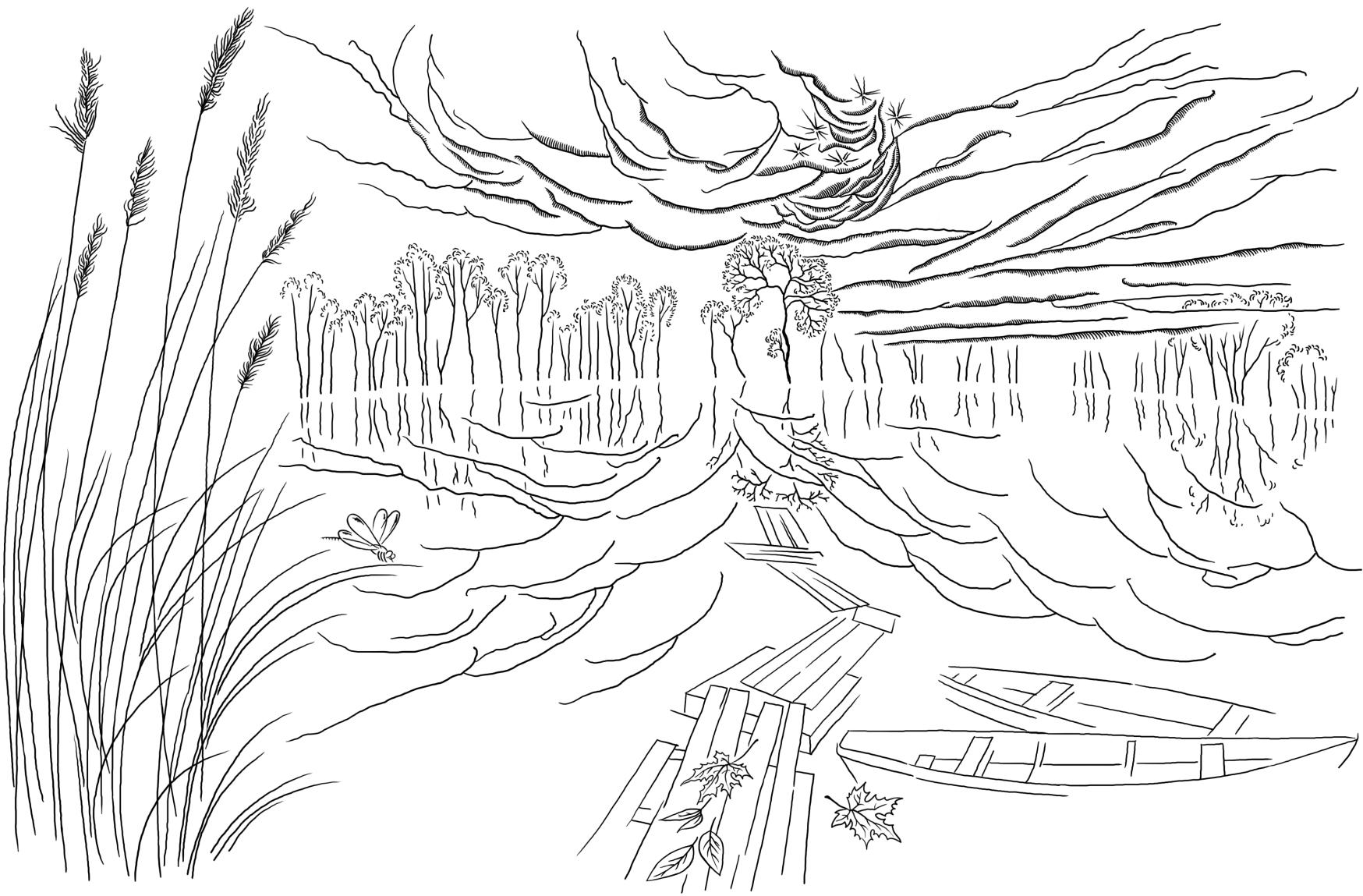
Чуть позже нас прилюдно очернят,
но лють и нелюдь не сильны над нами,
пока есть в мире место, где меня
привычно называешь ты — «родная».

И оттого, что любишь и любим, —
когда схлестнутся недруги и други,
ты будешь, мой родной, неуязвим
для пуль голодных, рыщущих в округе.

18.01.2015

река СНОВ

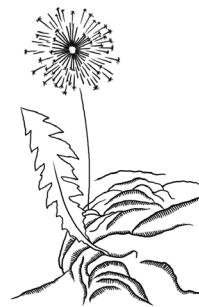

* * *

Так привыкнуть к зиме,
так сродниться с ее кожухом,
что в апреле застыть
потрясенно и недоверчиво:
одуванчик горит,
как лампадка твоя, переменчиво,
прикрываясь от ветра
тяжелым резным лопухом.

Означает ли это,
что заячий лысый тулуp
нам пора приобщить
к уцелевшим игрушкам в кладовке,
что рассыпалось время,
в котором метели метут
(ничего не осталось —
ни буквицы, ни заголовка)?

Одуванчик горит,
пусть неловок его фитилек:
то он вспыхнет от ветра,
то, скомканный ветром, — погаснет,
но на этом огне
время сходится в вареве строк
и кипит, и дымится,
и тянется в дымке прекрасной.

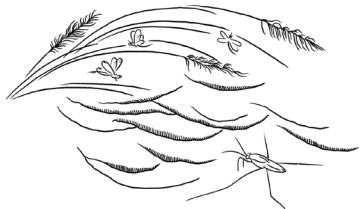

СНОВ: ВЕЧНА

Всего-то две сухих недели,
а маю нечего сказать, —
и невоспитанная зелень
взрослеет прямо на глазах.

Мельчает Снов — и маловерно
застыл июнь перед прыжком,
и бестолково водомерка
елозит реку утюжком.

И держит старая ветла
размякший берег в черном теле.
И отражается листва
такою, как была в апреле.

СТРЕКОЗА

Фотохудожнику
Светлане Середенко

На муравьиные обозы
и дождь, идущий по пятам,
глядят разумные стрекозы
глазами инопланетян.

Ни капли нашенской кровинки —
иной и любопытный мир:
фотографирует былинку
и тотчас отдает в эфир.

Растенья — разные на лица,
а люди слишком велики —
и не вмещаются в глазницы
и даже в стереоэзрочки.

И дела нет до наших басен
мирам, глядящим свысока.
И видит космос: луг — прекрасен, —
о нас не ведая пока.

ЭТО СЕДНЕВ

Марине Гарбер

Это Седнев. И он — захолустье и скука.
В ней живу, под собою не чуя Фейсбука,
привыкая взбивать ее сверху и снизу
и внимать петушиным ее вокализам.

Это Седнев, дыра, ржавый кофе в сельмаге,
дождевая настойка в аптечном овраге,
пахнет йодом, и морфием тянет с реки,
где зевают русалки, клюют рыбаки.

Что совсем хорошо? — Разливанный простор.
Он над дремой и думой, дорогой пустой.
И не нужно платить по часам за постой,
ибо в нашем Макондо и год — за сто.

Речка — слева, а справа, где острые травы
по шею,
светляки отбивают сигналы знакомым
пришельцам:
это Седнев, запруда на Лете, твоя эпопея,
сердце Родины сжато кузнечною хваткой
Морфея,

здесь покойно, и в барской усадьбе
господствуют белки,
дети рано стареют, и вишни в садах —
скороспелки,
тут на сутки вокруг — ни попутки,
ни мил-человека...

Это Седнев. Тут Вий поднимает заплывшее веко,
и слетаются вороны на поминальные оргии
по взбесившейся панночке к церкви
Святого Георгия.

Это Седнев. Бог милует и нарушения спишет.
Нашу смерть житием искупает юродивый Гриша.
Оловянные крестики выдаст — и будете живы —
тем служивым, что завтра пойдут на войну
по призыву.

А решишься бежать — не горюй
о потерянном фарте:
столько жизней в запасе у нас, сколько точек
на карте.
Это снится, что здесь, будто райская яблоня,
осень,
а в соседней Вселенной найдешь городишко
посносней...

И встаешь на пути у погони за правильным
счастьем.
В том, что мир безучастен, и я виновата отчасти.
Это Седнев — дыра в просочившийся,
пламенный космос,
где сияют планеты, как здесь над плетнем
абрикосы.

И летит космолет, он садами летит, огородами,
будто выдали мне невозвратную визу на Родину.

* * *

Оттого, что кромешно при свете и зябко в ночи,
о живых, что о детях, — с теплом или вовсе молчи.
Оттого, что в ночи — безутешно, при свете —
нельзя,
согревая в кромешной того, кто ослаб и озяб,
он ослаб, но не сломлен, он смертен,
не смей на потом.
О живых, что о мертвых, — ни слова, но тоже с теплом.

МОЛИТВА

Пока не истончился грифель,
пока остры карандаши,
дай в пару мне мужскую рифму
для слова, тела и души.

Пока не повзросла пастья,
не выжжен лес, не топтан луг,
дай пару мне — в одной упряжке
тянуть многостраничный плуг.

Так — чтоб сплелось, и говорилось,
и грифель не мельчал в кости,
дай пару, Господи, на вырост —
друг друга не перерости.

Тяну-вытягиваю строки,
а прочитать — вдвое больней.
Как будто кто-то одинокий
вот так же просит обо мне.

СЕНТЯБРЬ В СЕДНЕВЕ

1

Угодья лета август-землемер
навскидку счел и округляет грубо
на север — до черниговских земель,
до седневской усадьбы Лизогуба.

Пора счетов и школьных дневников,
а сентябрю неймется куролесить —
запутывать бывалых грибников
и чужаков отваживать от леса.

Так день-деньской — то ввысь, то у реки
ни жизни и ни времени не жалко —
с летягой-белкой наперегонки
мелькать в дубовых закоулках парка.

Но вольные отходят времена.
Пора принять посильное немногим —
закрашивать содеянное на
дождями прогрунтованной дороге.

Еще мазки, что первые стихи —
не знаешь «как», но высказаться надо...
И тронет самодельный мастихин
багряной каплей листья винограда.

Раскрашивай и марево, и хмаря.
Холсту подобен — впитывай мгновенья,
пополнив ярко-красочный словарь
оранжевым и желтым изумленьем...

Заросший, как щетиной, ковылем,
сентябрь к закату — лиственник и травник.
Он — живописец: пишет о живом,
натягивая память на подрамник.

Рука не дрогнет — возраст мастерства:
покой и жар смешав без опасенья,
нарисовать, что ведает листва
о смерти с непременным воскресеньем.

О сентябре, о каждом, о былом,
о преходящем и произошедшем,
о паутинном, рвущемся, о нем
не говори во времени прошедшем.

Над речкой Снов, что блещет вдалеке,
над перелеском охристым и бурым
он был — как отражение в реке,
он есть — как уходящая натура.

И что вся эта жизнь, весь этот джаз?.. —
искусство вперемешку с искушеньем...
Осенний ускользающий пейзаж
теплей стократ и столь же совершенней.

22.09.2014

Седнев — городок на речке Снов в Черниговской области, с усадьбой семьи Лизогубов, где дважды гостил Тарас Шевченко, бывали писатели Леонид Глебов и Борис Гринченко. Часть усадьбы занимает Дом творчества Союза художников Украины.

Чарівний ліхтар Ірини Іванченко

Сьогодні Ірина Іванченко вже впевнено й послідовно веде своє — самобутнє! — соло, вирізняється в колі російськомовних поетів і глибоким філософським підтекстом кожного твору, і постійним тяжінням до класичного віршування, і, зрештою, непроминальним усвідомленням того, що, за Леонідом Кисельовим, «все на світі — тільки песня // На українському языку». Свідчення цього — не лише перші вірші українською мовою, подані у збірці «Река Снов», а й начало посутніше, воїстину визначальне — українськість життєвої позиції, світорозуміння та світосприйняття.

Українськість ця природна, нерозривно поєднана із європейськістю, тим-то поруч гармонійно сусідують народне, фольклорне оспівування осені з русалчиною душою й музика Моцарта, сучасний Київ, легендарна Тмураракань та священна річка Йордан. Усі вони — під одним, вічним, небом.

Територія часопростору поезії Ірини Іванченко — від Либіді, Почайни, Совки до Снову, від Тмураракані до Йордану — цілісна, нероз'єднанна, незнищена. Ідеш до неї з дитячою вірою в те, що саме там на землю спускаються з небес янголи. І не помиляєшся, бо таки ж там випадає невимовне, казкове, дитяче (тобто божественне) щастя: хочеш — «ходи по воді», а хочеш — слухай «чудніє стихі». Там, може, й «за пазухой у вещего Днепра» мешкаємо й закономірно зустрічаемося, адже ми — неначе притоки, які нестремно плинуть до Славути, а він впадає... Ни, не в море, а, за Іриною Іванченко, в небо, точніше, в небеса.

Те місце, де янголи спускаються на землю (біля змілілого, в оковах, тенденції Либіді, «межі Києвом і небом» чи «межі

морем і землею»), де «пришвартован Мариуполь»), стає найближчим, найдорожчим. І пробуджується воно не від співу півнячого плем'я, а — це символічно! — від раннього, вже світанкового й воднораз мовби ще нічного голосу церковних дзвонів. Їхнє перелуння нагадує, що саме на річці Снов у битві 1068 року чернігівський князь Святослав Ярославович уперше переміг війська половецького хана Шарукана.

У назві річки вловлюються символічні перегуки, і їх вдало використовує авторка, так чи так ненав'язливо акцентуючи на всьому, що співвідноситься з натяками, які таїть у собі слово «снуватися», з віщими знаками снів, а також із неможливістю все в «міжзоряних морях» точно окреслити, з'ясувати. І Снов, і сни плинні, в глибинах своїх загадкові, чимось мовби взаємопов'язані. Давня переможна битва, уявне плавання до Тмураракані, воїстину нещаслива доля річки Либідь — уже із царства переказів, казок, снів. Але саме тут зустрічаються проминальне й позачасове, життєве та буттєве, земне й сакральне, отож вельми важливо, що поетеса наголошує: «Он виятен — гул утерянних веків». Ба навіть не так: це — тверде переконання Ірини Іванченко, віра в те, що, незважаючи на жорстокі зіткнення, біль і кров, «поет о міре голос человечий». Виразні ще два мотиви: милосердя й любові — однакової! — до цієї й тієї землі.

Ці мотиви озиваються до твоєї душі стриманими, ледь хрипкуватими голосами тієї поезії, яка після урочистих гекзаметрів Гомера перестала шанувати високі слова. Воднораз не для Ірини Іванченко — хитросплетіння недомовленості, невизначеності, невиразності. Після віршів «Амадей» «Тмураракань» та «Речка Совка» починаєш цінувати і чітко ослівлені сенси, і природні поетичні коди, які кожен по-своєму розшифрує або які й назви не мають, оскільки їхня суть ще «нерасчехлима языком». Саме коди, знаки, символи, а не

поширені сьогодні мережива химерних видінь і хворобливих галюцинацій.

Не цурається Ірина Іванченко й відвертої, гострої публіцистичності, адже «время стыдное, ей-богу», «меж суетой и престопней» повно людей, «одетых пасмурно и серо», адже «в кармане ни шиша», адже, зрештою, «на мутное время негоже и стыдно пенять». Як противага йому — одвічний плин річки Снов та заворожлива містичність Седнева — містечка, де притишений відгомін минувшини зливається з багатоголоссям нинішньої доби й ледь вловними повівами прийдешнього. І тоді, замість похмурої марноти марнот, «одуванчик горить», являються по-бароковому розкішні образи старовини, зокрема Вія, відкривається велична панорама того світу, який відтворює чи витворює своєю уявою авторка — витворює добірним словом, музикою містких фраз і відточених речень.

Цей світ «густо заселен и зелен», має свій сонцеворот і своє багаття, не велике чи маленьке, а відкрите («дым над открытым костром»), оберігає собор («Тянется губами, пробужа простор, // как младенец к маме — к облаку собор»), «родовые гнезда» й неповторне священнодійство — «виглядання зірки у Святвечір», притулмлює в собі власні «страхи й перестороги» (вірш «Романс» написано українською мовою), бо в цьому світі — храмі краси — триває війна: «Дымом пахнут ветер и февральский день. // Пуль на белом свете больше, чем людей». Не можна не навести ще один разючий приклад: «Так часто дні жалоби й поховання, // що води Стіксу вийшли з берегів».

Ось чому «только река ограждает теперь от беды», ось чому відвикаєш від слів «довоенной огранки» і чекаєш дзвінка з Луганська, та, за всіх часів, життя, попри втрати, тривоги й розчарування, все ж таки бажане, як «скорая наша победа». Можливо, й не така швидка, як хотілося б, але неминуча, беззастережна, остаточна. Ось чому завершальні вірші книжки

сприймаються як молитви, ось чому про війну та болючий вихід із неї — ціла низка емоційно й естетично проривних віршів, в якій вирізняються паралельно подані російською та українською мовами «Плен» — «Полон» і «Новорічне» — «Новогоднее». Вони — не копії, а самостійні мініатюри, які взаємодоповнюють, підсвічують, ба навіть увиразнюють одна одну. Так, у «Новорічному» є напрочуд яскраве порівняння: волонтер — «як Дід Мороз з мішечками набій», а ось у «Новогоднем» воно втрачене. І навпаки, в «Плене» набагато більше образних знахідок, ніж у пріснішому «Полоні», де не знайшлося місця «трехглавому рунету» (замість нього — сусідські краї й телевізор), зате, неначе крізь сон, бачиться «си-вий янгол в імлі світанковій».

Від цього «янгола сивого» — аура добра й милосердя: «Безоружен, ибо вооружен // до зубов милосердием». Вона вловлюється навіть там, де панує грозове розлуння протиборств і непримирених протистоянь. Так, війна всепроникна, однак у найпотаємніших куточках душі завжди залишається щось одвічно мирне, загальнолюдське, світлоносне. Саме тому важливу, системотворчу роль у збірці відіграє вірш «Родина», де сконцентровано роздуми про Батьківщину як про велику родину, як про п'ядь рідної землі, як про місце, де про нас «возносят проосьбы Богу капелланы». Віриться, що іх почують. А ось вірш «Чужинка» завершується жорстким висновком: «Щоб неба дістались, у землю потрібо лягти». Там, де янголи спускаються до людей.

Там і час не перервний, і простір не дискретний, бо водно-раз реально «гудить шоссе» і казково «плывет по небу член», бо «гіркі миттєвості останні // рослинна пам'ять береже»... Там усім, хто стукає, відчиняють браму або двері — відразу, без перепитувань і уточнень, відчиняють легко й радісно, впускають і минуле, і майбутнє, які пильно вдивляються в лице

сьогодення, впізнають і не впізнають його. Втім, здавалося б, різні часові шари насправді важко чи й неможливо роз'єднати, розрізнати. Як неможливо виокремити з суцільного образного полотна книжки ще один лейтмотив — сонячну журбу мудрої, ранимої й зраненої душі. Тієї душі, яка подеколи «тече в колекторе потеръ», але все ж таки — у віршах! — виходить на поверхню. Тієї душі, яка «наполовину из воды, наполовину — из любви Господней», яка «ночует в теле редко», в якій — із плином літ — лірична героїня книжки шукає опори. Перелік цих означень завершується щирим зізнанням: «Но год за годом кормится душа // тем светом, что рассыпан на прощанье».

Світла цього багато в поетичному світі Ірини Іванченко, хоча, звісно, є й острівці темряви. Вона теж по-своєму жива, не безгомінна, з переливами власних — нерідко потаємних — звуків і барв. Отож саме опівночі привиджується чудернацький сон про день прийдешній, який ще не народився, але вже, як сповідається лірична героїня, «ніжками штовхаеться в мені». І день той буде, як і сон, дивний: жовтий і воднораз синій, а похресником його стане сонце. Воно ще раз нагадає про життя як свято, як дар Божий, тому мотив доленосної самотності, коли доводиться спілкуватися, мов із рідними, з горобиною й тополею («Что делать, если больше не с кем?»), екзистенційно неминучий, природний і закономірний, адже у світі, де Седнів — «запруда на Лете», якщо янголи й розмовляють, то лише з тими, хто творить або любить поезію.

Для Ірини Іванченко запорука народження лірики, справді елітарної, витонченої, — схвильованість. «Віршослужіння» авторки цієї книжки надійне, вірне, постійне. Хоча, трапляється, що випадає цілий рік, на «слова голодный». Та настає мить відсторонення від буденної реальності, коли мовби відбувається перехід в інший вимір, де природне мислення поезією, віршами, де народжуються образи, які не завжди вдається осягнути

розумом, зрештою, де лірика рятує від суєти суєт, що панує «между ситом и корытом». Там, в іншому — справжньому! — вимірі рідними стають і «свет чужих стихотворений», і «стол, стоящий на ветру», і несподіваний контрапункт — не так запитання, чи то до себе, чи то до Господа, як завершальне уточнення: «Что я знаю в настоящем, // вспомню что, когда умру?».

Самобутність світосприйняття поета яскраво потверджує вірш «В прицелі камери-обскури», де яскріють неповторні — свої! — деталі й подробиці: «сюжет холма, рюкзак сутулый» (воїстину дивовижний епітет), мить, коли «стала деревом душа»... Саме після цих образів пригадується спостереження Гільвіка: «Помітиш іноди // Як усміхається до тебе камінь // А як йому про це сказать?». Езотеричні обертони органічні, як і все, що вихоплює з часопростору чарівний ліхтар поезії Ірини Іванченко. Ліхтар, до речі, сяйнистий, інколи мерехтливий, ніби він — із далекого Чумацького Шляху, хоча завжди теплий, надійний, неначе вогник у рідному вікні, який зігріває і метонімію («Бегут косынки и пальто, //бегут домой зонты и боты»), і порівняння («будто райская яблоня, осень»), і епітет («огонь желторотый»)...

Простори книжки відкриті, звабливі, й не знаєш, що чекає попереду, й радієш, що не знаєш, адже казковий космоліт, оспіваний у вірші «Это Седнев», летить і летить. Передчуваєш нові й нові відкриття — й, на щастя, це добровісне читацьке передчуття справджується. Підтвердження цього — щедрі розсипи і самобутніх тропів, і образів, навіяних як фольклором, рідним красним письменством, творчістю Марини Цвєтаєвої («соприкоснувшись рукавами» — «соприкоснувшись всеми полосами») й Бориса Пастернака («такие войны нынче на дворе»), так і світовими притчами, Біблією, давньогрецькими трагедіями, зрідка — далеким відлунням — фантасмагоріями «Фауста» Гете.

Ірина Іванченко зазвичай уникає багатослів'я. Точніше не так: багатослів'я — поза її поетикою, поза її естетичною системою. Замість популярної нині розхристаності маємо класичну строгість, вибагливу архітектоніку, гармонію форми й змісту, нерідко надійним виявом якого стають традиційні катрени. Є серед них гучнострунні, але немає жодного, де вловлюється дзвінкомонетна кон'юнктурність. Немає тут і одностроїв звичних епітетів — усе бує, переливається, квітує, пахне небідомою — дикою! — травою, шепоче до зір і наслухає прамовою «невітрильного вітру», давнішу, ніж санскрит.

Хочеться цитувати й цитувати близьку афоризми та відшліфовані парадоксальні твердження поета: «Стихи — для повторения любви, // для закрепленья пройденного текста», «Так стыдно умирать, а умерев, // не встать над пеплом, не восстать из мрака», «И тело к земле приникает — прикрыть ее в ближнем бою»... Хочеться вдивлятися і в кожен рядок збірки «Река Снов», і в кожну ілюстрацію, оскільки є ще один беззаперечний співавтор книжки — художниця Оксана Здор. Її графічні композиції передягняті річковим повітрям, передчуттям грози й водночас надією. Для художниці та поета це вже третє спільнє видання (художнє оформлення й ілюстрації Оксани Здор до книжки Ірини Іванченко «Прощеное воскресенье» 2014 року отримали відзнаку Всеукраїнської виставки-конкурсу ім. Георгія Якутовича). Ілюстрації, створені спеціально для «Реки Снов», і вірші поета переплітаються в єдину тканину поезографіки. Поезографіки, яка розхвильовує душу, спонукає думати й берегти чарівний ліхтар справжньої лірики.

Микола СЛАВИНСЬКИЙ,
лауреат літературних премій
імені Олександра Олеся
та Євгена Плужника

СОДЕРЖАНИЕ

«Плывет Десне навстречу тихий Снов...» 5

ИОРДАН

АМАДЕЙ	10
ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ	12
«Время стыдное, ей-богу»	14
ТМУТАРАКАНЬ	16
РЕЧКА СОВКА	18
«Слабеет натяжение воды...»	18
«Лютует век. Невмоготу дышать...»	19
«Похоже, прадеды-поляне...»	20
СЛОВАРЬ	21
«Созвучны мне наречия твои...»	21
«А если нам вернуться в словари...»	22
«Не подменяя музыку собой...»	23
ИОРДАН	24
«В прицеле камеры-обскуры...»	26

тарань

ПЕРЕПОСТ	32
СТОЛ	34
«Так — будто он со мною не был...»	35
ДУША	36
«Азбука оскудела»	38

ПРАЧКА	39
«В мой дом стиральная машина...»	39
«И тяжкий труд, и непевучий...»	40
РЕМИНИСЦЕНЦИИ	42
ДЫМ	43
«Истлел папирус, выожена трава...»	44
РОМАНС	45
ТАРАНЬ	46

родина

ЧУЖИНКА	50
РОЗМОВИ	52
«За мить у вирій виrushа...»	52
«Хоч сум залишився — безмежний...»	53
МАЛЕНЬКІЕ ХРАМЫ	54
ГОЛОСИ	55
«...і де він, де подівся, клятий...»	55
«...не втікачі, не перебіжчики...»	56
«...пішов, у чому був»	57
«...і знов ця Хресна путь. Невже...»	57
ГАМАЮН	59
ДЕНЬ ЗАЩИТИ ЛЮДЕЙ	60
ДЕНЬ: НАРОДЖЕННЯ	62
«Сутемна ніч, як вересню годиться»	62
«Він замалий. Йому — о пів на третю...»	63
«Так часто дні жалоби й поховання...»	64
АПОКАЛИПСИС ОТ ИВАНА	65
I . «Не голос был, но текст печатный...»	65
II. ИСХОД	66

III. АВГУСТ	67
IV. ПЛЕН	69
ПОЛОН	71
V. НОВОРІЧНЕ	72
НОВОГОДНЕЕ	73
VI. «Помилуй, боль, я правдой отслужу...»	75
VII. НЕЛЕТАЛЬНЫЙ ГОД	76
VIII. «...и видел я: вишневый сад...»	77
ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ	79
«От рябиновых лампочек мал обогрев»	79
«В декабре что ни дом — полевой лазарет...»	80
РОДИНА	81

река Снов

«Так привыкнуть к зиме...»	86
СНОВ: ВЕСНА	88
СТРЕКОЗА	89
ЭТО СЕДНЕВ	90
«Оттого, что кромешно при свете и зябко в ночи...»	93
МОЛИТВА	94
СЕНТЯБРЬ В СЕДНЕВЕ	95
«Угодья лета август-землемер...»	95
«Еще мазки, что первые стихи...»	96
«Заросший, как щетиной, ковылем...»	96
«О сентябре, о каждом, о былом...»	97

М. Славинський.

Чарівний ліхтар Ірини Іванченко 98

Літературно-художнє видання

*Iванченко
Ірина Альбертівна*

ріка Снов

К Н И Ж К А В И Р Ш И В

Редактор, коректор
Олена Терещенко

Художнє оформлення
та верстка —
Оксана Здор

Підписано до друку 21.06.2016.

Формат 70×108¹/₃₂. Друк офсетний. Папір офсетний.
Ум. друк. арк. . Ум. фарбо-відб. . Гарнітура Constantia.
Зам. №

Видавництво « »

Віддруковано у .